

Глава 12

— Не за что. В конце концов, я его дядя.

Му Циньчуань произнёс это с напускным безразличием, но тут же выдвинул свои требования:

— И всё же я считаю, что ребёнку не место рядом с тобой, пока ты в бегах и тебя преследуют. Я специально навёл справки: эксперты по воспитанию говорят, что детям нужна стабильная и безопасная среда для роста. Давай так: мы будем сотрудничать. Ты занимаешься внешними делами, а я — внутренними. Ты отправляешься в гуй-миры искать лекарство для ребёнка, а я увольняюсь и сижу с ним дома.

Он с энтузиазмом хлопнул себя по груди:

— Можешь не волноваться, я откормлю его, будет белый и пухленький. Если хоть один волосок с его головы упадёт, можешь забирать мою.

Цзян Чэньчжоу с огромным трудом сдержался, чтобы не избить его и не вышвырнуть вон. Он потёр переносицу. Да, сколько бы лет ни прошло, его шурин оставался всё таким же невыносимым.

— Сяо Мяо, должно быть, проголодался. Пора ужинать, — прервал его Цзян Чэньчжоу.

Му Циньчуань холодно фыркнул, про себя отметив, что этот зять всё так же неприятен, как и всегда.

Ради сына и племянника соответственно, они оба решили пойти на мировую, по крайней мере, внешне сохраняя видимость гармонии.

Му Циньчуань бросил взгляд на кисло-сладкие рёбрышки, источающие ауру гуй, затем на черно-фиолетовый, булькающий «суп из морепродуктов», и его губы дрогнули.

— Как вкусно пахнет! — Цзян Юаньмяо не заставил себя упрашивать. Вымыв руки, он уселся на свой стульчик для кормления.

— Ты... — ты этим кормишь ребёнка?

Му Циньчуань был в ужасе, боясь, что его племянник отравится. Но он тут же сжал губы, проглотив готовые сорваться с языка слова. Он вспомнил, что его племянник — не обычный ребёнок.

— Гав-гав-гав! — побелевший Ванчай всю вилял хвостом. За едой он всегда был самым активным.

— Папа, Ванчаю тоже, — Цзян Юаньмяо обожал своего питомца.

— Хорошо, и Ванчаю тоже, — Цзян Чэньчжоу тоже обожал своего сына.

Ванчай тут же сунул морду в миску и с жадностью принялся есть, издавая чавкающие звуки.

Цзян Юаньмяо, хоть и не видел, но, слыша это, радовался и ел с ещё большим аппетитом.

Му Циньчуань смотрел, как он уплетает за обе щеки, отправляя в рот одного гуй за другим, и невольно сглотнул.

— Дядя, почему ты не ешь? — склонив голову набок, спросил Цзян Юаньмяо.

Он подумал, что дядя какой-то странный. Может, он презирает его отца за бедность и даже после смерти матери не может избавиться от предрассудков?

Трудная любовь бедняка и богатой наследницы, обречённая на косые взгляды со стороны её семьи. Он всё понимал.

Цзян Юаньмяо решил, что должен стать связующим звеном между отцом и дядей.

— Дядя, мой папа так вкусно готовит, попробуй.

Не дождавшись ответа, Цзян Юаньмяо с энтузиазмом протянул ему свою ложечку, на которой лежал маленький осьминог. Щупальце, тушёное несколько часов при низкой температуре, стало желеобразным, но сохранило упругость, сочетая в себе хрустящую, нежную и эластичную текстуру. Это был его любимый суп, и потому Цзян Чэньчжоу готовил его очень часто.

Племянник с энтузиазмом протягивал ему руку. Му Циньчуань сглотнул, улыбка застыла на его лице. В его глазах щупальце осьминога источало ауру гуй. Один укус — и уровень загрязнения подскочит до небес.

— Кхм-кхм, твой дядя это не любит. Сяо Мяо, ешь сам, — Цзян Чэньчжоу, вдоволь насмотревшись на его мучения, решил вмешаться.

— Дядя такой привередливый, — с сожалением сказал Цзян Юаньмяо и отправил осьминога себе в рот. Такое вкусное блюдо, а дяде не нравится.

Му Циньчуань вытер несуществующий пот со лба и бросил испепеляющий взгляд на насмешника.

Цзян Чэньчжоу вскинул бровь и пододвинул ему тарелку с обычной едой.

— Ешь, привередливый дядя.

— Большое спасибо, — процедил сквозь зубы Му Циньчуань, вынужденный принять эту «любезность».

Он заметил, что Цзян Чэньчжоу тоже ест обычную пищу. Ну да, он ведь всё ещё человек и не может питаться гуй напрямую.

От этой мысли Му Циньчуань нахмурился ещё сильнее.

Неужели племяннику действительно можно есть гуй? Не будет ли у него от этого болеть живот? О чём только думает Цзян Чэньчжоу, зачем он кормит ребёнка такой едой?

— Дядя, вкусно было? — спросил Цзян Юаньмяо, когда Цзян Чэньчжоу ушёл на кухню мыть посуду.

— Вкусно, очень вкусно, — ответил Му Циньчуань, хотя еда показалась ему безвкусной, как бумага.

Цзян Юаньмяо удовлетворённо кивнул и вдруг спросил:

— А маме бы понравилось?

— Маме?

Му Циньчуань нахмурился и бросил гневный взгляд в сторону кухни. Что за дела? С каких это пор его брат сменил пол?

Не получив ответа, Цзян Юаньмяо вздохнул. Похоже, смерть матери стала тяжёлым ударом и для отца, и для дяди.

Поэтому в сюжете о ней упоминалось лишь вскользь. Кем же была рано умершая жена злодея, его мама?

Цзян Юаньмяо не решался спросить отца, боясь задеть его истерзанную душу и ускорить его превращение в злодея. Но с дядей он решил не церемониться.

— Дядя, скажи по секрету, какой была мама?

Му Циньчуань не знал, что ответить. Не мог же он сказать: «У тебя нет мамы, у тебя два папы». А как двое мужчин могут родить ребёнка, он и сам не смог бы объяснить.

— Моя мама, наверное, была очень красивой, с глазами, как звёзды, нежная и заботливая, и часто улыбалась... — затараторил Цзян Юаньмяо, делаясь своими прекрасными догадками о матери.

Му Циньчуань схватился за голову и прижал руку к сердцу, не в силах вымолвить ни слова.

Нежный? Его брат, который избивал его по триста раз на дню, не имел ничего общего с нежностью.

Часто улыбался? Да, Юань Ся часто улыбался: насмешливо, презрительно, саркастически, холодно... В искусстве язвить ему не было равных.

Заботливый? Ха! Это все заботились о его брате, а Юань Ся в жизни ни о ком не заботился. Его жизненным принципом было решать всё кулаками.

Му Циньчуань скованно повернул голову в сторону кухни.

Насколько же сильны должны быть розовые очки у Цзян Чэньчжоу, чтобы внушать ребёнку такие ложные представления о «маме»?

Не получив ответа, Цзян Юаньмяо недовольно спросил:

— Дядя, почему ты молчишь?

Му Циньчуань мысленно усмехнулся. Что он мог сказать? Разрушить прекрасный образ матери в сознании ребёнка?

— Ты прав, он был именно таким, — со слезами на глазах произнёс Му Циньчуань. — Он был самым добрым, нежным и ласковым братом на свете, никогда меня не бил, и когда я ошибался, всегда убеждал меня словами. Если бы он был жив, он бы тебя очень любил.

— Конечно, я же его родной сын, — обрадовался Цзян Юаньмяо.

Поглаживая Ванчая, он с сожалением добавил:

— Жаль, я его никогда не видел. Вот бы он был жив.

От этих слов сердце Му Циньчуаня готово было разорваться. Он сел рядом и обнял его.

— Не грусти. Дядя будет тебя любить. Я буду любить тебя, как родного сына.

Цзян Юаньмяо не оценил этого порыва и вырвался из его объятий.

— Дядя, ты такой странный. У меня есть папа, мне не нужен ещё один.

Разбитое сердце Му Циньчуаня треснуло окончательно.

— Сяо Мяо прав. Хочешь ребёнка — роди своего, а не пытайся отобрать чужого, — вставил нож в спину Цзян Чэньчжоу.

Что оставалось делать Му Циньчуаню? Только терпеть нападки отца и сына.

Уходить он не собирался. Он с таким трудом проник в их дом и был уверен, что со временем завоюет расположение племянника. Похищение ребёнка было лишь вопросом времени, и он не собирался отступить.

Му Циньчуань сделал вид, что не замечает взглядов Цзян Чэньчжоу, и продолжил играть с племянником в дочери-матери.

Когда Цзян Юаньмяо устал и лёг спать, он всё ещё не уходил.

Он отобрал у Цзян Чэньчжоу право читать сказку на ночь и, убедившись, что ребёнок уснул, посмотрел на его личико, так похожее на Юань Ся, и его охватили ещё более сложные чувства.

Наклонившись, он поцеловал ребёнка в лоб и мысленно поклялся: «Что бы ни случилось, я тебя защищу».

— Всё ещё не уходишь? — спросил Цзян Чэньчжоу, скрестив руки на груди, как только он вышел из комнаты.

Му Циньчуань, осторожно прикрыв дверь, помрачнел.

— Ты когда отправляешься?

— Чем раньше, тем лучше. Я хочу, чтобы зрение Сяо Мяо восстановилось как можно скорее. Когда он сможет видеть, я отправлю его в детский сад, чтобы он жил обычной жизнью, как все дети, — не стал скрывать Цзян Чэньчжоу.

От этих слов Му Циньчуань нахмурился.

Он признавал, что между Цзян Юаньмяо и Юань Ся была неоспоримая кровная связь, но его племянник был пропитан аурой гуй и даже не мог выносить солнечного света. Позволить такому «ребёнку» жить обычной жизнью было просто несбыточной мечтой.

— Он...

У Му Циньчуаня было много что сказать, но он не знал, с чего начать. После долгих колебаний он лишь произнёс:

— Ладно, я пойду с тобой.

— Не нужно, я справлюсь один, — отказался Цзян Чэньчжоу.

— Это новый гуй-мир, неизвестно, что там внутри. Он очень опасен, я могу помочь, — настаивал Му Циньчуань.

— У тебя особый статус. Тебя могут заметить, — объяснил Цзян Чэньчжоу.

Эти слова заставили Му Циньчуаня нахмуриться. Хотя директор Чжан и дал объяснения, он понимал, что его внезапное отстранение не было случайностью. Вполне возможно, он был под подозрением. Иначе за ним бы не следили.

— Если я задержусь, присмотри за ним, — добавил Цзян Чэньчжоу.

— Хорошо, — кивнул Му Циньчуань. — Он и мой племянник тоже. Можешь не просить, я, конечно, о нём позабочусь.

Мысль о том, что он сможет провести время с племянником наедине и завоевать его расположение, приблизила его на один шаг к заветной цели — похищению ребёнка.

— Не балуй его слишком. Сяо Мяо — не обычный ребёнок, — предупредил Цзян Чэньчжоу.

Но Му Циньчуань пропустил это мимо ушей, решив, что зять просто боится, что он займёт главное место в сердце племянника.

***

Не успел Цзян Чэньчжоу уйти, как Му Циньчуань уже был тут как тут.

Поскольку отец дал разрешение, Цзян Юаньмяо на этот раз послушно открыл дверь.

Му Циньчуань посмотрел вниз и увидел нежное личико племянника, который, задрав голову, казался ещё более большеглазым. А ресницы — просто мечта.

Ну как можно быть таким милым? Сразу видно, их порода.

Му Циньчуань схватил его на руки и с шумом втянул воздух.

— Мой драгоценный племянничек, дядя пришёл поиграть с тобой!

Цзян Юаньмяо почувствовал себя неловко и попытался отстраниться.

— Дядя, не надо так.

Сначала Му Циньчуань не придавал этому значения, но вскоре понял, что что-то не так.

Сила у племянника была просто невероятная! Тьфу, это до боли знакомое ощущение!

Пара ударов кулачками, таких знакомых, вернули Му Циньчуаню толику здравомыслия. «Что ж, неудивительно, он ведь сын Юань Ся. Кулачки хоть и выглядят нежными, а сила в них немалая».

Только вот ребёнок не рассчитывает силу. Что, если он в детском саду кого-нибудь ударит? Вызовут родителей. Сможет ли он, как дядя, пойти?

Он так погрузился в свои фантазии о вызове к директору, что не заметил, как...

Щёлк!

Му Циньчуань с каменным лицом вправил вывихнутую челюсть.

— Дядя, что это за звук? — спросил Цзян Юаньмяо, не подозревая о содеянном.

Му Циньчуань потёр подбородок и с улыбкой ответил:

— Это дядя так радуется, видя Сяо Мяо, что от смеха челюсть сводит.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Цзян Юаньмяо. — Дядя такой смешной, он же не курица, чтобы

кудахтать от смеха.

Посмеявшись, он прижался щекой к щеке дяди.

— Я тоже очень рад видеть дядю.

Нежное прикосновение пухлой щёчки заставило Му Циньчуаня тут же забыть о боли.

Но в следующую секунду он услышал вопрос племянника:

— Дядя, вы не скажете, куда ушёл папа? Я за него очень волнуюсь.

Лицо Му Циньчуаня вытянулось. Так вот оно что.

<http://bllate.org/book/13420/1194698>